

УДК 316
ББК 60.5
Б-71

Блягоз Эмма Гишимовна, преподаватель кафедры философии, социологии и педагогики факультета новых социальных технологий Майкопского государственного технологического университета, тел.: (8772) 521828.

ЦЕННОСТИ КАК ОТКРЫТАЯ ЦЕЛОСТНАЯ СИСТЕМА

(рецензирована)

Анализ проблем реформирования российского общества как сложной, целостной, саморазвивающейся системы прочно входит в отечественное обществознание. Включение проблемы трудовых ценностей в предметное поле социологии культуры обусловлено как реальностями современного развития России, так и состоянием теоретической разработки ценностной проблематики.

Ключевые слова – ценность, трансформация, трудовая мотивация, экзистенциал, типологизация.

Blyagoz Emma Galimovna, Cand. of Sociology, senior lecturer of chair of philosophy, sociology and pedagogic, new social technologies faculty of Maykop State Technological University, tel.: (8772)521828.

VALUES AS OPENED INTEGRAL SYSTEM

Analysis of problems of formation of Russian society as a complicated, integral, self developing system firmly penetrates into Russian social science. Inclusion of problem of labour values into subject of sociology of culture caused not only by realities of modern development of Russia, but also by the state of theoretic elaboration of values' problematic.

Key words: value, transformation, labour motivation, existential, typology.

Целостность человека воспроизводится теоретически в различных конкретных, частнонаучных срезях - социологическом, культурологическом, антропологическом, социально-психологическом и т.д. Но в последнее время человек все чаще становится объектом широких междисциплинарных исследований, объединяющий как данные различных дисциплин о человеке, так и специалистов самого разного профиля.

Относительно исследований ценностного сознания необходимо отметить, что оно представляет собой «самое человеческое в человеке» а между тем, его исследование «хронически» отделено от знаний человеческой природы. Сами ценности исследуются также изолировано друг от друга, вне понимания их в качестве целостного, нерасчленённого состояния сознания, вне учета их взаимовлияний, взаимной детерминации и взаимообусловленной стагнации.

Думается, что стратегический узел решения обозначенной проблемы лежит в области интеграции социально-нормативного и личностно-описательного уровней исследования жизни социальных групп, которые в современном обществознании взаимодействуют явно недостаточно.

В ходе социально-экономической трансформации, переживаемой в последние 15 лет российским обществом, отношение к труду. Вопрос этот не только академический. Немецкий социолог М. Вебер еще в начале прошлого века показал, что фундаментальные сдвиги, приведшие к возникновению капитализма, были бы невозможны без новой трудовой этики. Развивая эту идею, Д. Макклелланд на большом эмпирическом материале убедительно продемонстрировал, что экономические успехи общества находятся в прямой зависимости от выраженности у его членов мотивации достижения.

Усилить эту мотивацию — одна из главных задач, которую ставили перед собой реформаторы гайдаровского призыва. Они резонно полагали, что институциональные изменения — снятие ограничений на формы и способы приложения человеком своего труда, свобода предпринимательской инициативы, отказ от всяческих «потолков» заработка и уравниловки в оплате труда — все это раскрепостит людей, разбудит в них инициативу, желание больше и лучше работать, сделает высокие притязания чем-то естественным и в принципе осуществимым. Ставка, таким

образом, делалась на стимулирующую роль денежного вознаграждения (которое в условиях рыночной экономики легко превращается в разнообразные потребительские блага), оно должно было побудить людей к активности, ответственности, творчеству. Ожидалось также, что появление при новом экономическом укладе открытой безработицы заставит граждан дорожить своим рабочим местом.

Впрочем, многие считали и продолжают считать надежды реформаторов утопичными. В научных и публицистических кругах сегодня очень популярно мнение, что взгляды людей, практики поведения и ценности, включая и отношение к труду, — материи крайне инерционные. Культура, согласно данной точке зрения, — раз и навсегда написанная пьеса (эту идею выражают такие часто употребляющиеся термины, как «традиция», «менталитет», «архетип», «институциональная матрица», «культурный генотип»), которая на протяжении веков снова и снова разыгрывается людьми, социальными группами и социальными институтами. По существу слова «культура», «традиция» в сегодняшней России стали чем-то вроде индульгенции, которую элита и общество выдают себе, чтобы оправдать нежелание проводить реформы. Конкретное содержание традиций при этом конструируется весьма произвольно, в соответствии с политическими, идеологическими или даже экономическими задачами тех, кто о них пишет.

Один из способов проследить, как меняется трудовая мотивация, — изучение трудовых ценностей, т.е. высказываний людей о том, что для них важно, значимо в работе. Такая возможность появилась у исследователей благодаря нескольким репрезентативным опросам российского населения, проведенным в 1990-х годах в рамках Всемирного исследования ценностей.

Термин «ценность» многозначен. В данной статье анализируются индивидуальные ценности, которые мы определяем как оценку человеком значимости (или важности) лично для него некоторого объекта или явления. Упомянутая значимость осознается и переживается в двух случаях — либо когда необходимый индивидууму объект отсутствует, либо когда человек обладает тем, что ему необходимо, но это обладание не воспринимается как стабильное, раз и навсегда данное. И то и другое переживание при определенных условиях может побуждать человека к активности, т.е. становиться мотивом действия. Поэтому исследование трудовых ценностей — это одновременно и способ разобраться в таких мотивах.

На основе данных, полученных в 2004 году в рамках опроса «Поколения и гендер», в анкету которого были включены те же вопросы, которые использовались в предшествующих замерах, проведенных в рамках Всемирного исследования ценностей. Расширение временного диапазона в данном случае принципиально: предшествующие данные относились к периоду трансформационного экономического спада, теперь же впервые появляется возможность посмотреть, как изменились российские трудовые ценности в условиях длительного экономического роста, начавшегося в 1999 году.

Следует отметить, что на протяжении десятилетий в социологической науке доминирует деятельностная парадигма, позволяющая унифицировать субъектный ракурс, исключая возможность его социальной типологизации, что могло бы в принципе обогатить социокультурные арсеналы исследований ценностного сознания людей.

Список предложенных респондентам трудовых ценностей охватывал все основные их категории — материальные и духовные, «внутренние» и «внешние», инструментальные и терминальные, и характеризующие трудовые блага и трудовые затраты.

Особенно важным, нужно отметить, что механизму формирования определённых систем ценностей (в том числе - и трудовых) как коллективных представлений в современном общественном сознании не уделяется должного внимания. А ведь ценности, их динамика (и в этом отношении Э. Дюркгейм, несомненно, прав) есть не что иное, как динамика коллективных представлений, которые, в известной мере, автономны, но «их автономия может быть лишь относительной, в природе не существует такой сферы, которая не зависела бы от другой сферы; следовательно, нет ничего более абсурдного, чем возводить психическую жизнь в нечто вроде абсолюта, который появляется ниоткуда и не связан с остальной частью вселенной».

Динамика ценностного сознания всех социальных групп современного российского общества проходит под определяющим влиянием реформационного процесса, его успехов и трудностей. Отметим, что автор работы о разделении общественного труда ни в коей мере не отрицал внешние, социальные (в том числе и экономические) детерминации ценностного сознания.

Таким образом, рассмотрение процесса формирования ценностного сознания людей в контексте многомерного системного анализа только лишь с позиций жесткого экономического детерминизма не является эмпирически обоснованным и продуктивным в теоретико-методологическом отношении.

В период социальной трансформации, которую переживает в настоящее время Россия, привычные стили жизни становятся непродуктивными, и все же воспроизводятся. Происходит столкновение и симбиоз, говоря словами П. Штомпки, «несовместимых» культур: «...культурный дискурс «реального социализма» радикально противоположен «дискурсу появляющегося капитализма». Оба дискурса различаются по параметрам: а) коллективизм - индивидуализм; б) частное - общественное; в) прошлое - будущее; г) рок - человеческая активность; д) свобода - последствия (иными словами - «свобода от» и «свобода чего-то»); е) мифы - реализм; ж) эффективность - справедливость». Вот такое многоуровневое, неоднозначное явление представляет собой ценностный мир населения транзитивного общества, когда в качестве важнейшей познавательной задачи предстает постижение того, что вкладывают люди в содержание той или иной ценности, за которую «голосуют» в ходе опроса.

Конкретно-социологическое исследование ценностного мира людей не исчерпывается выявлением наличия тех или иных ценностей в их сознании следует учитывать в массовом сознании наличие такие «экзистенциальных» феноменов, как процесс формирования предрассудков, убеждений, идеалов, вкусов, - то есть чрезвычайно важных явлений духовной жизни. При этом, естественно, возникают серьёзные методологические трудности, связанные с описанием субъективной реальности больших социальных групп, целостности и уникальности их внутреннего мира.

Литература:

1. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение.- М., 1995.
2. Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание / В.С. Магун // Мир России.- 1998.- № 4.
3. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе / П. Штомпка

УКД 28:340(470.6)

ББК 86.38

М-22

Мамизева Зухра Хаджимуратовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики, факультета новых социальных технологий Майкопского государственного технологического университета, тел.: (8772)522124.

**К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИСЛАМА НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**
(рецензирована)

Исламское учение о нравственности – это, прежде всего своеобразный способ обоснования и морально-ценностного освоения мира человеком на определенной стадии его исторического развития. Исламская мораль представляет собой основную часть системы социального регулирования мусульманского общества и одну из форм выражения мировоззрения классового общества.

Ключевые слова: ислам, адаты, религиозно-правовые нормы, суфизм, тарика.

Mamizheva Zukhra Khadjimuratovna, Cand. of Sociology, senior lecturer of chair of philosophy, sociology and pedagogic, new social technologies faculty of Maykop State Technological University, tel.: (8772)522124.

ABOUT ISLAMIC INFLUENCE ON LEGAL CULTURE OF NORTHERN CAUCASUS PEOPLES

Islamic moral doctrine is first of all a peculiar way of argumentation and moral-value reclamation of the world by a human, on a particular level of his historical development. Islamic moral is a basic part of a regulating system of Islamic society and one of the forms of expression of outlook of a class society

Keywords: Islam, adates, religious-legal norms, Sufism, tarics.

На первоначальных степенях развития мусульманского общества нравственно - религиозно - правовые нормы в исламе носят синкретический характер. Религиозное сознание мусульман выступает в нерасчлененном виде; религиозные, правовые и нравственные нормы представляют общую черту социального идеала мусульман, более важным представляется показать различия, существующие между религиозными, нравственными и правовыми нормами в системе регулирования отношений в этнокультуре. Означенные различия просматриваются по основным структурным компонентам социальных норм, то есть по гипотезе, санкции и диспозиции.

В отличие от религиозных, нравственные нормы обеспечиваются формами ответственности, связаны с фактом реальной действительности в ряде осуждения со стороны общественного мнения и окружения. Так, во многих этнокультурных общностях Северного Кавказа моральные санкции реализовывались «джаматами» - собраниями старейшин, избранных жителями каждого аула для решения разногласий во взаимоотношениях между сельчанами и общественной оценки различных отступлений от норм нравственности, а также специальными «блюстителями морали», которые в отличие от судьи - кади именовались «татель» [10;143]. Обеспечение же религиозных норм связано с двумя видами санкций, одна из которых применяется в «земной» жизни (дополнительная молитва, искупительный пост и т.д.), а другая в «загробной». Бесспорно, «божественная кара» была и есть исключительно религиозной санкцией.

Собственно, «о нравственных (или собственно религиозных) или правовых нормах можно говорить лишь на уровне теории, в действительности же приходится встречаться со смешанными по содержанию и способам обоснования социальными установками» [4;21]. Понимание исламской морали в «узком» смысле связано с включением в нее совокупности нравственных требований, непосредственно связанных с вероучением, культом и обрядностью, с такими, к примеру, понятиями, как грех (исм), набожность (аттаква), вера (иман), упование на Аллаха (таваккул) и др.[1;142]

Понимание же ее в «широком» смысле связано с выводимыми из исламского вероучения истолкованием морали вообще, с представлениями о долге (ваджиб), добродетели (ихсан), пороке

(махликат), справедливости (адль) и отношениями, которые этими понятиями определяются. Коран и Сунна - важнейшие источники исламской морали, общеидеологическая основа исламской этики.

Нравственные правила поведения не претендуют на какую-либо системность изложения и не содержат «исходной этической теории».

С середины VIII века в связи с арабскими завоеваниями и дифференциацией социально-политических интересов в мусульманском обществе появилась необходимость философского, теологического и этического обоснования идеалов мусульманства. Период первоначального правоверия сменился «периодом кодификации и имамов» - основателей толков (мазхабов), который длился около двух с половиной столетий, ставших эпохой зрелости, «золотым веком» в развитии исламской доктрины в целом и ее этического аспекта в частности.

Главными причинами, способствовавшими сохранению норм адата и господства двоеверия, можно считать:

слишком строгие наказания, определяемые Кораном, даже за преступления, считавшиеся по понятиям горцев маловажными, не могли нравиться народу;

сохранение адата было выгодным для правителей, которые, не имея в начале достаточной силы и средств к уничтожению суда по адату, «впоследствии сами нашли в нем поддержку и упрочение своей власти» [6;6], поскольку штрафы, взыскиваемые с виновных, при решении дел по адату составляли для них немаловажный источник дохода.

Изучение Корана и вообще мусульманского законовещения, довольно запутанного, представляло даже для людей, исключительно посвятивших себя этому, непреодолимые затруднения, тогда как при использовании адата не требовалось особых познаний, решения эти, принимаемые большинством голосов, скорые и для всех понятные, служили руководством при решении подобных дел и на будущие времена.

Обычное право находит для себя особенно богатый материал при изучении общественного устройства тех народностей, которые, благодаря географическим условиям, сохранили в неприкосновенности не только свою политическую независимость, но и особенности своей древней культуры.

Сравнительный анализ памятников истории и культуры, сохранивших особенности и специфику отдельных народов, обнаруживает удивительную близость многих, на первый взгляд, совершенно различных мировоззрений. С одной стороны, определенное единство, а с другой - специфичность отдельных элементов дает широкую возможность для исследований в данной области.

Анализ исторических этапов общественного развития народов Северного Кавказа позволяет сделать вывод о наличии в регионе устойчивого концепта религиозно-правового сознания как соединения ислама с традиционными этическими установками. Это константная ситуация, которую необходимо учитывать при выстраивании дальнейшей политики. На постоянном фоне живых и действенных традиций и обычаев, зафиксированных в строгих нормах адатов, ислам со своей столь же строгой правовой системой входил в религиозную ситуацию и даже занимал в ней, очевидно, ведущее место. Возникло равновесие двух правовых систем, которое и организовало правовое поле. Это динамическое равновесие с пиками конфликтов и периодами спадов напряжения растянулось на столетия.

Особо следует отметить, что исторически формировавшаяся правовая культура региона основывалась на суфийской форме ислама. Именно за эту последовательную чистоту и сражались столь непримиримо знаменитые имамы в начале XIX века.

Литература:

1. Аширов Н. Нравственные поучения современного ислама. М., 1977. С. 142.
2. Власова В. Б. Традиция в мире духовных ценностей / АН СССР, Ин-т философии. М., 1983. Деп. в ИНИОН №14284.
3. Дреев О. И. Роль национальных обычаев и традиций в социальной регуляции поведения. Л., 1982.
4. Евреинова А. М. Реферат о значении и пределах обычного права. СПб., 1883. С. 21.
5. Казанов Х. М. Культура и быт адыгов. Нальчик, 1993.
6. Комаров К. М. Кавказские горцы: как они есть. М., 1868. С. 6.